

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-139-154

«История народов СССР» Ю.В. Готье в МГИАИ (1936/1937 учебный год)

Филипп Г. Тараторкин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Taratorkin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются в историографическом контексте основные проблемы, темы и сюжеты неопубликованного лекционного курса «История народов СССР», прочитанного академиком Ю.В. Готье в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ) в 1936/37 учебном году. В лекционном курсе видны те приоритеты и ориентиры, которые обусловлены спецификой историографического процесса тех лет, но при этом очевидны и многие фундаментальные принципы и основы понимания русского исторического процесса, характерные для историков «старой школы», вынужденных адаптировать свой жизненный мир к обстоятельствам нового историографического быта.

Ключевые слова: Ю.В. Готье, историография, жизненный мир, М.Н. Покровский

Для цитирования: Тараторкин Ф.Г. «История народов СССР» Ю.В. Готье в МГИАИ (1936/1937 учебный год) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 139–154. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-139-154

“History of the peoples of the USSR” by Yu.V. Gauthier at MGIAI (1936/1937 academic year)

Phillip G. Taratorkin

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Taratorkin@mail.ru*

Abstract. The article considers in historiographical context the main problems, topics and subjects of the unpublished lecture course “The History of the Peoples of the USSR”, delivered by Academician Yu.V. Gautier at the Moscow State Historical and Archival Institute (MGIAI) in the academic

© Тараторкин Ф.Г., 2022

year 1936/37. In the lecture course are seen those priorities and benchmarks which are due to the specifics of the historiographical process of those years, but at the same time are evident many fundamental principles and foundations of understanding of the Russian historical process, typical for historians of the “old school”, forced to adapt their lives to the circumstances of the new historiographical life.

Keywords: Yu.V. Gautier, historiography, lifeworld, M.N. Pokrovskii

For citation: Taratorkin, Ph.G. (2022), “ ‘History of the peoples of the USSR’ by Yu.V. Gauthier at MGIAI (1936/1937 academic year)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 139–154, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-139-154

1936/1937 учебный год был первым годом преподавания профессора Юрия Владимировича Готье (1873–1943) в Московском государственном историко-архивном институте (далее – МГИАИ). За плечами у маститого и авторитетного историка и педагога – годы гражданской и отчасти научной опалы (Академическое дело), профессиональная неприкаянность, отчуждение коллег. Все это весьма характерно для советского этапа биографии историков старой школы, пытающихся адаптировать свой жизненный мир к новой исторической реальности.

О преподавании Ю.В. Готье в Историко-архивном институте сохранилось не так много документальных или мемуарных свидетельств, но те, которые есть в нашем распоряжении, – весьма красноречивы.

Студенты второй половины 1930-х гг. вспоминали, что профессор Ю.В. Готье

...призывал студентов не отвергать с порога старую, буржуазную литературу: если это есть ценное историческое исследование... то в таком случае очень уместно внести в свою работу... споры по данному поводу [Хорхордина, 2020, с. 98].

Еще одно мемуарное свидетельство:

...на лекции Ю.В. Готье приходили студенты других курсов, иногда и других вузов [Хорхордина, 2020, с. 98].

Первым лекционным курсом, прочитанным Ю.В. Готье в МГИАИ, был курс, который в соответствии с учебными планами того времени назывался «История народов СССР». Такое назва-

ние предполагало, как это было принято и в только что появившихся учебниках истории того времени, освещение исторического прошлого всех союзных республик – национальных окраин и различных присоединенных территорий Русского государства и Российской империи разных периодов [Юрганов 2011; Артизов 2021, с. 399]. Интересно, что в фонде МГИАИ в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) в протоколах заседаний кафедры истории СССР (ею заведовал в те годы профессор П.П. Смирнов) не сохранилось данных об обсуждении концепции данного лекционного курса. Нет материалов по истории курса и в личном архивном фонде Ю.В. Готье в Архиве Российской Академии наук (РАН).

Лекционный курс Ю.В. Готье цитируется по стенограммам (авторизованная машинопись), переданным в 2012 г. на хранение в Гуманитарный архив РГГУ кандидатом исторических наук, доцентом Ларисой Николаевной Простоволосовой и хранящимся в еще *не описанном* фонде Л.Н. Простоволосовой¹.

В машинописном тексте лекций Ю.В. Готье, на котором основана настоящая статья, сохранились записи двадцати шести лекций, которые, судя по датам, читались два раза в неделю в период с 25 сентября 1936 г. по 16 ноября 1937 г. Записи лекций именуются в источнике стенограммами и содержат небольшую рукописную правку (преимущественно вставки в текст от нескольких слов до словосочетаний), выполненную простым карандашом.

Пагинация в источнике начинается со страницы 302 (на некоторых страницах есть расположенная правее первоначальной и сделанная другим, более мелким, почерком вторая пагинация, начинающаяся со страницы 59, но почему-то с пропуском страниц, остающихся по второй пагинации не пронумерованными).

Стенограммы целого ряда лекций начала курса не сохранились. Первая из сохранившихся стенограмм датирована 22 декабря 1936 г.

Лекция от 22 декабря 1936 г. посвящена Казанскому походу Ивана IV 1552 г., его историческому значению и последствиям. Интересно, что лектор подробно характеризует положение и образ действий противоположной, враждебной стороны – казанских татар:

За четыре года, когда выяснилось, что борьба удачи принести не может, многие из тех казанских феодалов, которые участвовали в ней, или погибли, или бежали в те татарские государства, которые к это-

¹ГА РГГУ. Ф. 4 (Фонд Л.Н. Простоволосовой). Далее отсылки на листы этого архива будут даны в тексте в круглых скобках.

му времени еще были вне московской власти: частью – в Астрахань, а главным образом, наиболее активные элементы, которые имели материальную возможность перемещаться далеко, хотя бы даже ценой своего разорения, бежали в Крым.

Таким образом, первый результат всей этой борьбы – это исчезновение, или, по крайней мере, сильная убыль в составе казанских феодалов.

Я думаю, что вы сами уже можете вывести отсюда такое заключение, что это облегчало русскую политику. Наиболее активный враждебный элемент просто был почти истреблён войной, а частично должен был бежать.

Что касается массового населения в Казани, то московское правительство после того, как кончился бой в первые дни октября, прямого вреда ему не делало. Население было зачислено в данники, должно было платить то, что платили и русские (Л. 306).

Для лекций Ю.В. Готье характерно выделение в числе исторических последствий того или иного процесса или явления двух типов последствий – ближайших и более далеких, как он их определяет.

Так, в случае с Казанским походом к ближайшим последствиям он относит

...превращение Казани в русскую крепость с обращением ее ближайших окрестностей в земли, населенные русскими и прежде всего русскими помещиками (правда, первоначально не в большом числе) (Л. 308).

К более далеким последствиям относится, по мнению лектора, такой эффект, как ослабление Астрахани под влиянием успешного казанского похода. А после взятия Астрахани (1556 г.) «Москва наложила свою руку почти на половину всей европейской части Союза» (Л. 310).

Отметим здесь слово «Союза», указывающее на концептуальные и содержательные границы лекционного курса: все половины, части, четверти и прочие единицы измерения территории государства соотносятся с географической реальностью СССР, т. е. государства в тех его максимальных границах, которые существовали на период середины 1930-х гг.

И далее Ю.В. Готье дает максимально обобщенную характеристику наиболее существенных последствий «казанского взятия», показательную с точки зрения терминов и понятий современной лектору историографии.

Моментом превращения Московского государства из национально-великорусского в государство многонациональное и является время, последовавшее за взятием Казани, за завоеванием Казанского царства, которое по существу было не только завоеванием Казанского царства, а завоеванием всей Волги и всей восточной половины европейской части Союза. С этого времени начинается в истории тамошних племён длительный и тяжелый период; они вступили в Московское государство, ставшее тюрьмой народов, и в этой тюрьме они просидели (правда, вместе с русским народом) до Октябрьской революции (Л. 317–318).

С темой долгосрочных последствий взятия Казани соседствует в лекциях Ю.В. Готье еще одна тема, отличающаяся особой историографической значимостью. Эта значимость даже побуждает лектора к раздаче определенных историографических оценок и диагнозов. И хотя после коллективного осуждения идей и научного словаря М.Н. Покровского прошло уже несколько лет, острота вопроса (или заказ на констатацию такой остроты) еще не притупилась, а тема Покровского продолжает обладать полемическим потенциалом.

Нам предстоит разобрать очень важный политический момент в истории Московского государства, момент, когда давно наметившиеся социально-враждебные силы, готовившиеся в течение полувека к борьбе, наконец, столкнулись. Я имею в виду борьбу царского самодержавия, опиравшегося на дворянство и отчасти на посадское население больших городов, против старой феодальной аристократии, борьбу, которая разгорелась в царствование Ивана Грозного как раз после взятия Казани. Конкретно это выразилось в истории очень своеобразного учреждения, так называемой опричнины, под которым позднейшие историки, в частности, Покровский (чем он несколько путает понятие) разумели не только известное учреждение, не только опричнину как учреждение, но и целую эпоху, чего по существу смешивать не следует (Л. 318).

Уже в следующей лекции (от 25 декабря 1936 г.) Ю.В. Готье вновь возвращается к этой теме – и снова в связи с определениями М.Н. Покровского.

Теперь нам нужно немножко расширить поле нашего наблюдения и посмотреть, почему в конце концов в четырёхтомнике Покровского под опричниной разумеется целая эпоха. Я думаю, частично уже объяснение дано. Опричнина, как учреждение, настолько пагубно

действует на всю страну в 60-е годы, что и этого достаточно, чтобы назвать всю эпоху эпохой опричнины (Л. 353).

Ю.В. Готье дает еще одну интересную характеристику, что называется, одним мазком:

...в период между торжественным венчанием Ивана (1547 год) и 1552 годом, годом взятия Казани, мы имеем ряд конкретных мероприятий, которые направлены к реформе правительственного аппарата. Реформы проводятся новой группой правительственных советников. Но, по-видимому, при деятельном участии самого Ивана, попавшего на некоторое время под влияние – скажем осторожно – более разумных людей (Л. 318).

Стенограммы лекций Ю.В. Готье интересны некоторыми эпизодами, вскользь характеризующими ту московскую повседневность, которая была перед глазами у лектора и его слушателей в окрестностях улицы 25 Октября. Говоря об опричной топографии Москвы, Ю.В. Готье отмечает, что Иван Грозный

...даже в Москве выделил некоторые места в опричнину. Он даже съехал из Кремлевского дворца и, когда бывал в эти годы в Москве, то жил в своем опричном дворце, в том месте, где теперь строится Ленинская библиотека. Как раз на выезде из Кремля, в той большой усадьбе, где теперь возводится новое здание Ленинской библиотеки, стоял опричный двор, или опричный дворец царя Ивана (Л. 349).

Заметим, к слову, что историко-топографические экскурсии мы можем встретить и в других лекциях курса. Так, в лекции от 25 апреля 1937 г., характеризуя взаимоотношения России с Грузией при Петре I, Ю.В. Готье рассказывает о происхождении в Москве местности, именуемой Грузины (Л. 500), а затем в той же лекции делится воспоминанием:

Все коллегии умерли к концу XVIII века, а святейший синод, т. е. духовная коллегия, продолжала сохранять эту организацию; и еще в 1916 году вы могли встретить в Москве вывесочку, на которой было написано: «святейшего синода контора». И состав синода, и первоприсутствующий и члены, – это устройство было повторением Петербургской коллегии (Л. 514).

Примечательно внимание Ю.В. Готье к некоторым терминологическим вопросам. В частности, он прослеживает историческую

эволюцию понятия «сын боярский» (и «дети боярские»), отмечая, что со временем «сын боярский» получает значение, глубоко отличающееся от первоначального (Л. 327).

И далее терминологические нюансы переходят в область идеологических конструкций. Ю.В. Готье особо оговаривает этот момент:

Следующий очередной вопрос – это борьба между царским самодержавием и крупными феодалами. Прежде чем описывать эту борьбу, мы рассмотрим идеологию людей того времени. Все стороны, принимавшие участие в этой борьбе, позаботились о наших интересах и оставили нам изложение своих мыслей в связи с неизбежным столкновением (Л. 327).

Через три дня после первой из сохранившихся в стенограммах лекций, 25 декабря 1936 г., Ю.В. Готье переходит в следующей лекции к анализу общественно-политического самосознания деятелей русской истории эпохи Ивана Грозного.

В данной и последующих лекциях Ю.В. Готье отчасти восполняет те пробелы, которые есть в лекционном курсе и на которые мы обречены по причине неполноты сохранившихся стенограмм. Например:

В своё время я останавливал ваше внимание на том, что подробности и техника этого процесса созидания служилого дворянства, к великому сожалению, очень мало нам известны, потому что нет материалов (Л. 331).

Одним из идеологов нового периода в истории русского самодержавия Ю.В. Готье называет Ермолая-Еразма, которому дает подробную характеристику.

Эразм – по-тогдашнему очень образованный человек и член того научно-литературного кружка, который тогда в Москве образовался. Пожалуй, это был первый кружок такого рода (...) Конечно, для них литература была очень узкая: это была церковная литература. Но этот кружок довольно много сделал в этой области, составив, например, сборник житий русских святых, который известное историографическое значение имеет и для нас (Л. 332).

Интересно, кстати, что Ю.В. Готье не подчеркивает демократизм Ермолая-Еразма, его интерес к «крестьянской тематике», как об этом будет говорить в конце 1950-х гг. А.А. Зимин. Принад-

лежность же Ермолая-Еразма к духовному сословию Ю.В. Готье объясняет так:

Когда интересы боярства и самодержавия разделились, церковь стала на сторону самодержавия. И поэтому формулировка мыслей о том, как надо построить ту феодальную прослойку, которая, как это было видно, должна была заменить старое боярство, эта формулировка и принадлежит одному из членов церкви (Л. 333).

При появлении в лекциях имени И.С. Пересветова вновь возникает полемическое упоминание М.Н. Покровского. Ю.В. Готье отмечает:

Между прочим, Покровский сомневался в его личности, т. е. он предполагал, что это – псевдоним неизвестного нам человека, реально, в виде Ивана Пересветова не существовавшего (Л. 335).

При этом лектор подчеркивает (тем самым как бы снижая ценность исследовательских сомнений М.Н. Покровского):

Но, конечно, для нас неважно, был ли это псевдоним, был ли это реальный человек. Интересны те мысли, которые выражены Пересветовым. Иными словами, вопрос этот имеет, конечно, второстепенное значение, но во всяком случае категорическое утверждение Покровского о том, что Пересветов – это миф, так же мало на чем основано. Он основывается на том, что никаких других сведений об Иване Пересветове мы не имеем, кроме тех, которые он нам сам сообщает (...) Вот что, вероятно, и привело Покровского к сомнению в реальном существовании этой личности (Л. 335).

Еще одним крупным политическим мыслителем эпохи Ю.В. Готье называет князя А.М. Курбского. Любопытно, что в контексте лекции он дает аудитории литературную отсылку: Иван Грозный

...расправился с его [Курбского. – Ф. Т.] семьёй, расправился и с холопом Курбского, которого Курбский прислал со своим знаменитым посланием, Васькой Шибановым. Этот эпизод нашел себе выражение в нашей художественной литературе: у Алексея Толстого (старого) есть стихотворение, посвящённое Василию Шибанову, которое вполне соответствует действительности (Л. 338).

Показательно уточнение «старого». Под «новым» Алексеем Толстым лектор разумеет А.Н. Толстого, в те годы становившегося

более заметным и узнаваемым, чем «старый» А.К. Толстой. Суть же политической позиции А.М. Курбского Ю.В. Готье резюмирует вполне по-карамзински:

...только когда царь был в мире с боярами, только тогда Московское государство строилось, а теперь, когда между ними ведётся война, Иван терпит поражения в войне с Литвой, что его величайший грех, его величайшее преступление – это истребление боярского класса (Л. 338).

Для более детального знакомства с идеологией самого Ивана Грозного Ю.В. Готье отсылает слушателей к 31 тому «Русской исторической библиотеки» – наиболее фундаментальному к 1936 г. изданию Переписки Ивана Грозного с А.М. Курбским. Сам же историк делает такой вывод: идеология Ивана Грозного –

...это есть только конечная, доведенная до абсурда формулировка, которая началась со времени Ивана III, Иосифа Санина, со времени, когда воспринималось идейное наследие Византии, затем все это настоялось, развилось дальше и дало в результате эту яркую формулировку Ивана Грозного (Л. 340).

Еще один уровень обобщения – с точки зрения классового подхода, как сказали бы в те годы. Ю.В. Готье как бы напоминает аудитории, что идеология и политические теории – это, выражаясь по-марксистски, надстройка. А базис вот в чем:

Нужно сказать, что вся эта борьба, в которой боярство потеряло свои позиции и от которой получило много пользы дворянство, вся эта борьба происходила за счет крестьянства и на спине крестьянства (Л. 354).

Говоря в лекции от 28 декабря 1936 г. об актуальной для эпохи Ивана Грозного геополитике, Ю.В. Готье подчеркивает внутривнутриполитическое измерение Ливонской войны. Он выделяет две придворных группировки.

Дворянско-поместный класс поддерживал Ивана, надеясь получить в этой новой территории земли, которые действительно и были раздаваемы в Балтийском крае, – правда, ненадолго. Наоборот, другая часть советников Ивана была против войны, и это было одной из причин, вызвавших охлаждение Ивана к его «избранной раде» (Л. 359).

Вскоре и война, как говорит Ю.В. Готье, «застыла на месте, однако, требуя каждый год притока новых сил как со стороны Москвы, так и со стороны ее противников» (Л. 364).

Особое внимание Ю.В. Готье к Ливонской войне объясняется тем, что ее несчастливый для России исход сформировал, по мнению историка, многие решающие предпосылки возникновения Смуты, одним из классических исследователей которой является Ю.В. Готье.

Касаясь западных влияний и контактов в годы царствования Ивана Грозного, Ю.В. Готье констатирует, что

...в течение всего царствования Ивана Грозного именно англичане являются главными контрагентами русских в Западной Европе (...) англичане даже поставляли некоторые военные припасы и довольно долго в 60-х и 70-х годах пользовались отчасти Нарвой как гаванью (Л. 370).

От вопроса о торговых связях русских купцов с англичанами и другими иностранцами Ю.В. Готье переходит к проблеме, снова требующей обобщения – к проблеме формирования общерусского рынка. Известно, что в историографическом плане именно складывание всероссийского рынка советские историки признавали главным признаком перехода России от средневековья к новому времени. Ю.В. Готье придерживается классической схемы:

По этому вопросу мы имеем чрезвычайно интересное и справедливое мнение Ленина, который ставит создание русской национальности, как чего-то, сознающего само себя, в связь с территориальными и экономическими связями (Л. 376–377).

И снова к вопросу о роли англичан:

Изучая торговые сношения XVI века и сопоставляя их с мнением Ленина, мы можем наглядно видеть, как подготовлялось создание такого национального рынка и как, в связи с этим, сложилась окончательно русская национальность. Путешествия англичан открывают в этом отношении много фактических подробностей, которые делают наглядно понятным, как этот рынок создавался (Л. 377).

Интересна уклончивость, с которой Ю.В. Готье подводит общий итог характеристике царствования Ивана Грозного:

...эта эпоха стоила очень дорого стране. Но в известной степени мы, конечно, не можем отрицать и некоторой ее прогрессивности: она стимулировала общий процесс падения феодальных отношений, она вызвала крушение элемента регрессивного – старого феодального боярства, вообще она стимулировала, подгоняла исторический процесс (Л. 381).

В характеристике правления Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова Ю.В. Готье фактографичен и описателен. Тем неожиданнее историографический сполох все на ту же тему:

Покровский (а надо сказать, что Покровский отрицательно отзывается о всех монархах) делает единственное исключение, говоря о Борисе Годунове, как о единственном настоящем государственном человеке того времени. Снова фактор Покровского. И далее: «Личная оценка Бориса Годунова, как историками, так и современниками, – единодушная. Это самый выдающийся в государственном отношении человек до эпохи Петра I. То, что в душе он не был палачом, показывает всё его царствование, хотя окончилось оно некоторыми припадками ярости и ненависти против тех же бояр» (Л. 413).

С лекции от 16 апреля 1937 г. начинается характеристика Ю.В. Готье эпохи Петра I. Лектор так характеризует молодого Петра в 1688–1689 гг.:

Пётр в это время находился в стадии вольного молодого человека, который не подчинялся никакой дисциплине, который не признавал этикета московского дворца, – да никто его и не понуждал к этому, – который тяготился всякий раз, когда ему из свободного Преображенского надо было ехать в ту тюрьму, какой он считал московский большой дворец (Л. 440).

И чуть дальше своеобразный образ: «Пётр ещё продолжал быть политическим младенцем» (Л. 444).

Одним из ключевых событий в ранней истории царствования Петра I Ю.В. Готье считает Великое посольство. Именно это мероприятие, по его мнению, активизировало процесс демонизации Петра I в умах не сочувствовавших ему и его реформам:

...пошли слухи о том, что царь уехал, там его подменили, там его посадили в бочку и пустили в море, а вместо него приехал чуть ли не сам антихрист. Вы, конечно, чувствуете и понимаете, где должны были зародиться такие слухи: в наиболее отсталых и консервативных

кругах, и не только придворных, а и обывательских. Между прочим, была целая агентура, которая вела в этом смысле широкую пропаганду за пределами Москвы: это были раскольники, раскольники, которых продолжал всё время преследовать патриарх Иоаким и правительство Петра. Я вам потом укажу, что сам Петр боялся и преследовал раскольников за их политические идеи – там, где они выступали, как политики, или где ему казалось, что они выступают таким образом. К религиозным делам сам Петр был глубоко равнодушен, и там, где раскольники немножко уступали, по крайней мере в мирских делах, там он сумел с ними великолепно поладить. Ведь именно раскольники, как прекрасные ремесленники, жившие на севере, вокруг Онежского озера, были одной из главных сил при постройке Петербурга (Л. 453).

Очень живую характеристику дает Ю.В. Готье старообрядцам в следующей лекции – при изложении истории Северной войны:

Выгорецкие скиты были основным ядром крайнего раскола на севере. А Пётр сумел с ними заключить договор, джентльменское соглашение: они ему поставляют труды рук своих, а он их не трогает. Это был народ чрезвычайно деятельный, способный, крепкий, у которого всякие ремесла процветали. Нужна флотилия баржей, – пожалуйста, они ему готовят. Нужны металлические части, там есть олонечкая руда. Словом, всякую мелочь, всякие приборы для колоссального предприятия по постройке нового города на Неве часто выполняли старообрядцы (Л. 468).

Подходя к истории Северной войны, Ю.В. Готье дает такую интерпретацию ее предпосылок и подготовки:

Вот теперь обычно говорят на собраниях: «есть предложение». Так и там появилось предложение, которое очень осторожно дебатировалось в Берлине, несколько более открыто в Польше, – но это, правда, немножко позднее. Во всяком случае появилась мысль, что надо воспользоваться тем, что во главе Швеции стоит ребёнок, что там не спокойно, и отвоевать то, что можно было отвоевать, то, что не принадлежало к самой Швеции и что было завоёвано шведами в XVII столетии (Л. 455).

Своего рода вставной новеллой является рассказ Ю.В. Готье в лекции от 19 апреля 1937 г. о Мазепе.

Недавно я читал маленькое рукописное исследование, и мне был указан источник: было найдено дело в одном из ленинградских

архивов – о сооружении ордена Иуды, и даже описан орден: серебряная цепь и медаль с изображением Иуды предателя. Это дело так и осталось. Но спрашивается, для чего оно было сделано? Было высказано предположение, которое я лично разделяю, что это было сделано на тот случай, если Петру в руки попадет Мазепа. Эту штуку хотел Петр с ним сыграть со всей свойственной ему жестокостью. Что Мазепу ожидала самая жестокая казнь, – в этом не могло быть сомнений. Но Пётр хотел с ним разделиться, и поэтому ему готовил орден Иуды; он безусловно хотел разыграть комедию (Л. 489–490)².

Возможно, в данном рассказе Ю.В. Готье имеет в виду исследование С.Ф. Платонова³.

В лекции от 28 апреля 1937 г. Ю.В. Готье, приближаясь к общей оценке петровского царствования и эпохи, снова предпринимает историографический экскурс:

²Более подробно этот сюжет развит в статье Е. Ухановой (Родина. 2007. № 11): «Идея изготовления медали возникла у Петра сразу после Полтавской победы (27 июня 1709 года), предопределившей исход всей войны. Для награждения своих солдат-победителей Петр I отдает приказ отчеканить золотые и серебряные медали “За Полтавскую баталию” и одну особую медаль для Иуды. Учитывая явные евангелистские параллели, можно не сомневаться, что наряду с долгожданной победой он хотел отметить и беспрецедентное военное предательство своего друга и соратника. Медаль Иуды была чрезвычайно актуальна, по крайней мере до начала сентября, когда она была выслана Петру. Тот факт, что она шла к Петру очень долго, более месяца, и что после ее доставки не последовало награждения, говорит о том, что надобность в ней, вероятно, отпала. Это подтверждает и свидетельство современника, датского посланника Юста Юля, который видел эту медаль 1 декабря того же года на маскараде в Москве на шее придворного шута. Несомненно, что не для маскарадов потребовал Петр медаль за предательство на поле битвы под Полтавой. Он сам называет имя этого “нового Иуды” в переломный для страны момент, когда на карту была поставлена ее целостность и независимость. Это гетман Войска Запорожского Мазепа». Интересно, что автор книги о Мазепе в серии «Жизнь замечательных людей» Т.Г. Таирова-Яковлева (М., 2007), подробно описывающая заочную казнь Мазепы и обращенную на него церковную анафему (С. 224–226), об ордене Иуды не упоминает.

³Платонов С.Ф. Орден Иуды 1709 г. // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 193–198.

Очень многое в этой экономической политике определяло собой и социальную политику Петра... причём это опять нас подведёт... к тем оценкам, которые делались различными историками. Ведь иные считали Петра дворянским царем (например, Рожков), а иные считали его буржуазным царём (Покровский) (Л. 540–541).

Итоговую характеристику петровской эпохи мы видим в лекции от 4 мая 1937 года. В частности, Ю.В. Готье отмечает:

Пётр старался продвинуться в культурном отношении, хотя, по известному выражению Ленина, «европейскую культуру они насаждали варварскими средствами». Но не только то, что он насаждал жестокими варварскими средствами, но то, что он вообще насаждал что-то новое, это должно было вызвать противодействие. За Петром шло немного народу, – это ясно. Об этом ясно говорит его современник экономист-писатель Посошков, что «царь сам десять тянет в гору, а тысячи тянут под гору». А эти 10 человек, фигурально выражаясь, люди энергичные, но большинство населения, как это часто бывает, были недовольны, возмущались, ворчали, но шли по указанной линии. Меньшинство же активно сопротивлялось (Л. 570).

Итоговая характеристика крайне примечательна:

...повсюду он [Пётр I] остаётся человеком больших личных качеств и способностей, но совершенно безудержным, благодаря своему безответственному характеру.

Как его мы будем судить? Об этом уже позаботился т. Сталин. Я нахожу его классовую оценку значения Петра самой удачной по сравнению с теми, которые были сделаны до сих пор. Она еще тем хороша, что она кратка.

И далее – после цитаты из И.В. Сталина:

Это краткое, совершенно правильное определение общего значения царствования Петра в социальном аспекте русской истории.

Если бы Петру сказали, что он дворянский царь, он этому не повесил бы, потому он их казнил и сажал на колы. Но это есть отражение того класса, в эпоху господства которого он родился.

Когда я анализировал социальную политику Петра, я подчеркивал, что больше всего от его политики выигрывало дворянство (Л. 579).

И наконец:

Маленькая краткая характеристика тов. Сталина отмечает те три момента, из которых может сложиться классовая оценка Петра. Петр прежде всего в основном дворянский царь, но он старался выдвинуть нужную ему буржуазию. Он ничего не делал для крестьян, драл с них три шкуры. Нельзя считать его каким-то особым чудовищем в области крестьянско-крепостнической политики (Л. 581).

Интересно, что единственное во всем лекционном курсе упоминание историков старой школы (к которым, объективно говоря, вполне можно причислить самого Ю.В. Готье) дано в связи с оценкой исторического значения Петра I:

Началось с того, что старые историки поклонялись ему; было время, когда Петра считали гением, ниспосланным с неба. Вы найдете эту оценку у Соловьёва. Уже буржуазные историки конца XIX века сошли с этой точки зрения и стали критически относиться к Петру. Это найдёте вы у Ключевского и в книге Милокова, до сих пор живущего за границей в качестве врага советской власти... Он низводит Петра с пьедестала (Л. 580–581).

И заключительный историографический аккорд, удивительно точно описывающий исследовательскую ситуацию, характерную для советской историографии – пространство «руководящей цитаты»:

Если вы возьмёте последующих историков-марксистов, то найдёте здесь разнбой. Одни выдвигали одну из сторон, указанную тов. Сталиным, другие – другую (Л. 581).

Литература

- Артизов 2021 – *Артизов А.Н.* В угоду взглядам вождя. Конкурс 1936 г. на учебник по истории СССР // Артизов А.Н. Советская эпоха: Актуальные вопросы истории и документального наследия. М.: Фонд «Связь Эпох», 2021. С. 388–403.
- Хорхордина 2021 – *Хорхордина Т.И.* Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930–2020 / Под ред. А.Б. Безбородова. 2-е изд., доп. М.: РГГУ, 2020. 450 с.
- Юрганов 2011 – *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011. 763 с.

References

- Artizov, A. (2021), "To please the views of the leader. A 1936 contest for a textbook on the history of the USSR", Artizov, A.N. *Sovetskaya epokha: Aktual'nye voprosy istorii i dokumental'nogo naslediya* [перевод!], Fond "Svyaz' Epokh", Moscow, Russia, pp. 388–403.
- Khorkhordina, T.I. (2020), *Istoriko-arhivnyi institute v istorii otechestvennoi vyshei shkoly: 1930–2020* [Historical and Archival Institute in the History of National Higher School: 1930–2020], 2nd ed., RGGU, Moscow, Russia.
- Yurganov, A. (2011), *Russkoe natsional'noe gosudarstvo: Zhiznennyi mir istorikov ipokhi stalinizma* [The Russian National State: The Life World of Historians of the Stalinist Era], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Филипп Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Taratorkin@mail.ru

Information about the author

Philip G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047, Taratorkin@mail.ru